

Н. Д. КОЧЕТКОВА

Н. И. НОВИКОВ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н. М. КАРАМЗИНА

По свидетельству И. И. Дмитриева, в кружке Новикова «началось образование Карамзина, не только авторское, но и нравственное. В доме Новикова он имел случай обращаться в кругу людей степенных, соединенных дружбою и просвещением <...>».¹ В августе 1786 г. Карамзин писал швейцарскому философу И. К. Лафатеру: «... живу в Москве в кругу моих истинных друзей и руководителей».² Он просил адресовать ему письма в «дом господина Новикова». В 1787–1789 гг. начинающий писатель принял деятельное участие в журнале Новикова «Детское чтение для сердца и разума», где были опубликованы не только его многочисленные прозаические и стихотворные переводы (произведения С.-Ф. Жанлис, Дж. Томсона, Ш. Бонне, Х. Ф. Вейсе), но и оригина-

¹ Дмитриев И. И. Сочинения / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2. С. 25.

² Переписка Карамзина с Лафатером. 1786–1790 / Подгот. текста Ю. М. Лотмана // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 469. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

Об отношении Карамзина к Лафатеру см.: *Lehmann-Carli G. Nikolaj Michajlovič Karamzin als «Bruder Ramsay» im Kreise der Moskauer Freimaurer und Aufklärer und seine Affinität zu Johann Caspar Lavater // Antropologische Konzepte in der russischen Kultur und Literatur (18.–19. Jh.) = Антропологические концепции в русской культуре и литературе (XVIII–XIX вв.) / Hrsg.: А. Фаустов, G. Lehmann-Carli. Halle (Saale), 2008. S. 11–52.*

нальные сочинения, включая повесть «Евгений и Юлия».³ Новиков, очевидно, ценил молодого и деятельного литератора, чьи публикации нередко занимали целые выпуски журнала. Карамзин, со своей стороны, очень уважительно отозвался о Новикове в письме к Лафатеру от 20 апреля 1787 г., сообщая ему о современной русской литературе: «Четырнадцать лет тому назад господин Новиков прославился своими остроумными сочинениями, но теперь он ничего больше не хочет писать; может быть, потому, что он нашел другой и более верный способ быть полезным своему отечеству» (469). Через десять лет, в 1797 г., в «Письме о русской литературе», написанном для гамбургского журнала «Северный Зритель» («Spectateur du Nord»), Карамзин повторил эту мысль применительно к собственной литературной деятельности: «Я хочу быть полезным моей родине; я хочу быть достойным уважения публики» (456). Если Новиков вышел в отставку в 26 лет в чине поручика, то Карамзин, едва вступив в военную службу, оставил ее уже «на восемнадцатом году» (также в чине поручика),⁴ причем против воли родных, «мечтая заниматься только книгами» (465). Ранний выход в отставку, возможный после указа Петра III, не поощрялся при Екатерине II, и поступок Новикова впоследствии послужил одним из отягчающих обстоятельств во время обвинительного процесса против него.

Карамзин исподволь основательно готовился к своему европейскому путешествию, много читал о странах и достопримечательностях, которые собирался увидеть. Но его интересы и планы уже *до отъезда* стали расходиться с задачами, которые представлялись первоочередными для многих его друзей по масонскому кружку. Об этом можно судить по позднему свидетельству И. В. Лопухина в его письме к А. М. Кутузову от 3 (17) февраля 1791 г. о том, что Карамзина «никто более не отвращал от пустого и его убыточного вояжу, как Новиков,

³ См.: Привалова Е. П. О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. С. 261–265. Как отметил В. И. Симанков, Карамзин оказался единственным сотрудником этого журнала, выступившим и с оригинальными сочинениями (см.: Симанков В. И. Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) // XVIII век. М.; СПб., 2015. Сб. 28. С. 331). О переводах Карамзина в «Детском чтении» см.: Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб., 2020.

⁴ О значении этого примера Новикова для Карамзина см. также: Клейн И. Между Аполлоном и Фортуной: Карамзин-писатель в социологической перспективе // Клейн И. При Екатерине: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2021. С. 23.

да и те из его знакомых, кои слывут мартинистами».⁵ Однако взаимное уважение и дружеская приязнь между Новиковым и Карамзиным не были нарушены, когда писатель отправился в свое путешествие по Европе. Об этом можно судить, сопоставляя и анализируя следующие факты.

Во время своего пребывания в Англии Карамзин в Лондоне встретился с Семеном Романовичем Воронцовым, русским полномочным министром. В «Письмах русского путешественника» автор писал:

...всего чаще обедаю у нашего посла, г. С. Р. В., человека умного, достойного, приветливого <...> Всегда нахожу у него человек пять или шесть, по большей части иностранных министров. Обхождение графа приятно и ласково без всякой излишней короткости. Он истинный патриот, знает хорошо русскую историю, литературу, и читал мне наизусть лучшие места из од Ломоносова. Такой посол не уронит своего Двора; за то Питт и Гренвиль очень уважают его (337).

Путешественник далее сообщает: «На лето нанимает он прекрасный сельский дом в Ричмонде (верстах в 10 от Лондона), где я также у него был и ночевал» (338). Комментируя этот отрывок, Ю. М. Лотман справедливо отмечал, что для такого приема в доме посла, молодой, неизвестный еще как писатель и человек не чиновный, Карамзин должен был иметь какие-то рекомендательные письма, существенные для Воронцова. Как предполагал исследователь, такие письма могли дать писателю или В. Н. Зиновьев, или А. Р. Воронцов (670). Но с дипломатом Зиновьевым Карамзин лишь один раз полчаса говорил во время встречи на почтовой станции. О контактах Карамзина с А. Р. Воронцовым нет достаточных сведений. Между тем, именно Новиков мог дать такое рекомендательное письмо С. Р. Воронцову, который в 1770–1780-е гг. был деятельным членом ряда масонских лож. Более того, известно, что в 1776 г. и Воронцов, и Новиков были членами одной и той же петербургской Великой английской ложи. В сентябре 1776 г. они оба были намечены для вхождения в Великую Провинциальную ложу.⁶ Несмотря на сословную дистанцию (один — граф, генерал-майор, другой — отставной поручик), их, сверстников, многое сближало: интерес к литературе,

⁵ Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. 89.

⁶ См.: Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 959–960.

искреннее стремление содействовать благу своей страны, склонность к филантропии, критическое отношение к царившим при дворе нравам. Масоны декларировали всеобщее братство: «Оставь твои достоинства и знаки любочестия за дверями; и входи к нам с спутницами токмо твоими добродетелями. Какое бы твое светское звание ни было, уступи в ложах наших добродетельнейшему и просвещеннейшему».⁷ Хотя на деле эти требования не часто выполнялись, но, судя по тому приему, который граф Воронцов оказал не знатному и не богатому молодому человеку, ему было чуждо чувство сословного превосходства. Будучи послом, он проявлял постоянную заботу о своих рядовых сотрудниках, о русских студентах, учившихся в Англии, славился своими «добрыми деяниями».⁸ К сожалению, о содержании своих бесед с ним Карамзин ничего не сообщил, в отличие от подробного пересказа разговоров с другими известными людьми. Можно, однако, догадываться, что в этих беседах речь шла и о литературе, общественных событиях, политике⁹ и, не в последнюю очередь, о масонстве и Новикове, которого хорошо знали оба собеседника. Именно в доме Воронцова по просьбе его восьмилетнего сына (впоследствии известного Михаила Семеновича Воронцова) было написано стихотворение Карамзина «Мишеньке», сопровождаемое пометой «1 июня 1790 г. Лондон» и напечатанное в «Московском журнале».¹⁰ Говоря о темах своего творчества, Карамзин писал:

⁷ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II / Изд. 2-е, исправ. и расшир. Под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова. СПб., 1999. С. 253.

⁸ См.: Кросс Э. Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб., 1996. С. 42.

⁹ Считая Карамзина автором статьи о Петре III, опубликованной в 1797 г. в гамбургском журнале «Spectateur du Nord», Ю. М. Лотман отмечает близость высказанных здесь идей с политической позицией Воронцова (см.: Лотман Ю. М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг.: (к генезису исторической концепции Карамзина) // XVIII век. Л., 1981. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в. С. 124–131). Хотя о дальнейших контактах Воронцова с писателем после его возвращения из путешествия сведений нет, но в собрании русских книг Воронцова из всех журналов конца XVIII столетия был представлен именно «Московский журнал» Карамзина (см.: Cross A. G. Count Semen Vorontzov's Library of Russian Books in London // Solanus: International Journal for Russian and East European Bibliographic, Library and Publishing Studies. New Series. 1989. Vol. 3. P. 21).

¹⁰ Московский журнал. 1791. Ч. 2. Кн. 1. Апрель. С. 8–11.

Я пел хвалу Никандру,
Когда он беззащитным
Был верною защитой
И добрыми делами
Ни мало не хвалился.¹¹

Предположение В. В. Сиповского,¹² повторенное затем Ю. М. Лотманом, о том, что здесь имелся в виду Новиков, вполне основательно. Стихотворение с похвалой Никандру не было напечатано: вероятно, этот текст был утрачен вместе со всеми бумагами Новикова после его ареста. Гипотеза В. В. Сиповского подкрепляется сведениями о совместной с Воронцовым масонской деятельности Новикова в 1770-е гг. В 1777 г., когда они оба стали членами Великой Провинциальной ложи, Новиков начал издание своего журнала «Утренний свет», на доходы от которого были открыты училища для бедных детей и сирот. Этими, как и другими добрыми делами, Новиков (Никандр) действительно не хвалился, но стремился привлечь к ним других людей. Учитывая все эти обстоятельства, можно считать вполне правдоподобной версию, согласно которой именно Новиков дал Карамзину рекомендательное письмо к Воронцову.

Скорее всего, он же или кто-то из его ближайших сподвижников что-то передал Путешественнику для А. М. Кутузова, находившемуся тогда в Берлине по масонским делам. В письме от 20 сентября 1789 г. А. А. Петров, который все лето прожил в деревне у Новикова, писал Карамзину: «Я весьма любопытен знать, виделся ли ты с А. М.», т. е. Кутузовым (509). Вопрос об этой встрече до сих пор вызывает разные предположения. Гипотеза Ю. М. Лотмана о том, что Карамзин все же встретился с Кутузовым в Париже, совершив туда поездку, не упомянутую в «Письмах русского путешественника», была опровергнута С. Геллерман по найденным ею архивным документам.¹³ По мнению

¹¹ Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1966. С. 81. В комментарии к этому стихотворению ошибочно указано, что оно напечатано в тексте «Писем русского путешественника».

¹² Карамзин Н. М. Сочинения / Под ред. и с примеч. В. В. Сиповского. Пг., 1917. Т. 1: Стихотворения. С. 411.

¹³ Gellerman S. Karamzine à Genève: Notes sur quelques documents d'archives concernant les *Letters d'un Voyageur russe* // Fakten und Fabeln: schweizerisch-slavisches Reisebegegnung vom 18. Bis zum 20. Jahrhundert. Basel; Frankfurt am Main, 1991. S. 73–90.

Ю. М. Лотмана, эта якобы состоявшаяся встреча способствовала ухудшению отношений Карамзина с Кутузовым: они превратились «из пламенно дружеских в почти враждебные со стороны Кутузова и прохладные со стороны Карамзина» (540).

В «Письмах» рассказывается, как Путешественник был разочарован, узнав, что «любезный А***», с которым он надеялся встретиться в Берлине, уехал во Франкфурт на Майне: «Вообразите друга вашего, идущего в самых горестных размышлениях по Берлинским улицам, <...> Я сам себе казался жалким сиротою, бедным, несчастным, и единственно оттого, что А*** не хотел меня дожидаться в Берлине!» (34). В первоначальных редакциях «Писем» Карамзин писал об этом эпизоде еще подробнее: «Надобно было ему уехать тогда, когда я приехал! И так я мечтал, воображая, как с ним увижусь и что скажу ему! Больно так обманываться!» (405). В этих словах звучит не только разочарование, но и явная обида. 19 июля в Лейпциге Путешественник, все еще надеявшийся на встречу с другом во Франкфурте, получает от него два письма, из которых узнает, что он едет в Париж «на несколько недель». По поводу просьбы Кутузова дожидаться его в Мангейме или Страсбурге Карамзин пишет: «...но мне никак нельзя исполнить его желания» (69). Фраза остается не проясненной: ни о каких причинах не сообщается.

Между тем из Франкфурта Путешественник на один день совершает еще одну поездку — в Дармштадт, объясняя это своим желанием увидеть там придворного проповедника Иоганна Августа Штарка (1741–1816), но узнает, что тот серьезно заболел и уехал лечиться «к водам». Это очень важный эпизод в «Письмах», почти не комментировавшийся. Лишь Г. Панофски сообщает подробные сведения о Штарке. Отзывы о нем довольно противоречивы. Профессор восточных языков и теологии, получивший образование в Геттингене, он отличался широкими познаниями и художественным вкусом; с молодых лет увлекся масонством, особенно его мистической стороной. В 1760-е гг., приехав в Петербург, Штарк преподавал в лютеранской Петершule. Скоро его стали подозревать в симпатиях к католицизму и даже в тайных связях с иезуитами.¹⁴ В 1780-е гг. в Берлине началась бурная кампания по его разоб-

¹⁴ *Panofsky G. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany. Fiction as Facts.* Wiesbaden, 2010. S. 51–55. Об И. А. Штарке см. также: *Пытин А. Н.* Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. По указателю. Исследователь критически оценивал

лечению, он обвинял своих противников в клевете, но безрезультатно. Говоря о поездке Карамзина в Дармштадт, И. Клейн характеризовал этот поступок как «мужественный акт солидарности с несчастным человеком».¹⁵ Однако все это имело и самое непосредственное отношение к Новикову и его сподвижникам. О гонениях на Штарка было хорошо известно в России. К нападавшим на него присоединился некий автор брошюры «Письмо господина Штарковского к своему другу и родственнику господину Штарку в Дармштадте. Москва, 6 августа 1789» («Lettre de mr Starkovsky *...* à son ami et parent mr Starck à Darmstadt. D. m. d. M. Moscou, 1789»). Не без основания авторство этой брошюры приписывается Екатерине II.¹⁶ Именно по ее повелению были изъяты из продажи книги Штарка в русских переводах. Его книга «Апология масонов» («Apologie der Freimaurener», Berlin, 1778), была переведена на французский, шведский и датский языки, как указывает Г. Панофски. Исследовательнице, очевидно, остался неизвестным русский перевод: «Апология, или Защищение ордена вольных каменщиков», осуществленный И. П. Тургеневым, вышедший в 1784 г. в двух разных типографиях, подвергнутый запрещению и изъятый из лавок Новикова в 1786 г. Та же судьба постигла и русский перевод другой книги Штарка — «О древних мистериях, или таинствах, бывших у всех народов» («Ueber die alten und neuen Mysterien» (Berlin, 1785). Переводчиком был А. А. Петров, «совоспитанник» и друг Карамзина. Поэтому русский путешественник и принял такое участие в судьбе Штарка, непосредственно связанной с судьбами его самых близких друзей. Писатель, отошедший от масонской деятельности и отказавшийся публиковать мистические сочинения, неизменно сохранял свою привязанность к друзьям, беспокоился о них, понимая уже нависавшую над ними опасность. Он решительно осудил нападки на Штарка после разговора с одним из его берлинских гонителей: «Признаться, сердце мое не может одобрить тона, в котором господа Берлинцы пишут. Где искать терпимости,

деятельность Штарка, особенно его увлечение магией, но, говоря о Карамзине, признавал, что «все его сочувствие принадлежит Штарку» (С. 291).

¹⁵ Клейн И. «Письма русского путешественника» как документальный источник: [Рец. на названную выше книгу г. Панофски] // Новое литературное обозрение. 2010. № 5 (105). С. 336,

¹⁶ Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Л., 1985. Т. 2: Н–Р. С. 147. № 1725.

если самые философы, самые просветители — а они так себя называют — оказывают столько ненависти к тем, которые думают не так, как они?» (38). Ситуация со Штарком — вопрос, который Карамзин мог откровенно обсудить с Кутузовым, и когда стало понятно, что их встреча не состоится, путешественник специально поехал к самому Штарку, не боясь скомпрометировать себя в глазах его преследователей. Здесь его тоже ждала неудача.

Спустя две недели во время своего двухдневного пребывания в Мангейме (3–4 августа 1789) и еще более краткого в Страсбурге (6 августа), Карамзин уже имел достаточно сведений о тех волнениях, которые происходили в это время во Франции. О том, что многое умалчивается путешественником, писал Ю.М. Лотман, а затем Р. Бодэн, специально посвятивший свое монографическое исследование пребыванию Карамзина в Страсбурге.¹⁷ Французский исследователь отмечал, что уже во Франкфурте путешественник узнал о волнениях, связанных с событиями Французской революции. В Страсбурге он стал непосредственным свидетелем этих волнений, и, по мнению Р. Бодэна, из осторожности не стал даже посещать знаменитые достопримечательности города, но описал их, пользуясь другими источниками. В то же время исследователь предположил, что в Страсбурге могла состояться встреча Карамзина с Кутузовым, которая и привела к охлаждению их отношений.¹⁸ Однако нет фактов, подтверждающих это предположение. Необходимо обратить внимание на фразу путешественника в страсбургском письме: «Я надеялся здесь найти письмо от А*, но не нашел» (96). Нет оснований не доверять этим словам. Кутузов предполагал вернуться из Парижа «через несколько недель», а прошло лишь две недели с небольшим, и он мог надеяться, что Карамзин его дождется. Неожиданные революционные события вмешались в их планы. По-видимому, Карамзин все же сумел осмотреть что-то из страсбургских достопримечательностей, хотя это было очень беглое, поверхностное знакомство. Но он ни на один день не задержался в Страсбурге, чтобы дожждаться Кутузова и отправился в Швейцарию, где пробыл несколько месяцев. Скорее всего, именно это и стало причиной их размолвки: у каждого из них были причины для обиды. Путешественник, не получивший

¹⁷ Baudin R. Nikolai Karamzin à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011.

¹⁸ Ibid. P. 125–126.

в Страсбурге, никакой весточки ни от Кутузова, ни от московских друзей, с горечью заметил: «Путешествовать приятно, но расставаться с друзьями больно» (96). Нежелание Карамзина ждать возвращения друга из Парижа в Мангейме или в Страсбурге не могло не огорчить и Кутузова, который чувствовал себя на чужбине одиноким, испытывал немало затруднений материального характера, был взволнован доходившими до него тревожными известиями из России. Очевидно, он возлагал надежды на эту встречу: ведь от путешественника можно было бы больше узнать о московских друзьях и о ситуации в целом, чем из их писем, а также передать на словах то, о чем не мог написать сам. Новиков во время следствия упоминал о «наставлении» Кутузову еще при его отъезде: «Ежели хотя малейшее приметит, что связь нашу орденскую захотят употребить к политическим видам, то чтобы тотчас из Берлина выехал».¹⁹ Новиков упоминал о том, что он и наиболее близкий ему участник кружка С. И. Гамалея «недовольны были, что Кутузов долго живет <за границей> и ожидали возвращения его».²⁰ Конечно, они надеялись узнать что-то о его обстоятельствах и планах, а также о близко касавшейся их ситуации со Штарком от Карамзина. Встреча не состоялась, это и положило начало взаимному недовольству.

Когда, вернувшись из путешествия, Карамзин приступил в 1791 г. к изданию «Московского журнала», он едва ли общался с Новиковым, у которого в это время очень тяжело болела жена Александра Егоровна. 12 апреля 1791 г. она скончалась. Н. Н. Трубецкой, ее дядя, писал А. М. Кутузову: «...да и сам Николай Иванович так стал слаб и болен, что доктор боится, чтоб и он не последовал скоро за его женою».²¹ Вполне естественно, что Новиков, проводивший большую часть этого времени в своей деревне, не мог знакомиться с журналом Карамзина. Но представление об этом издании ему могли дать его ближайшие друзья: Трубецкой, его свойственник, и М. И. Багрянский, его подопечный, которого он «на свой кошт» отправлял учиться за границу и ко-

¹⁹ См.: Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии // Новиков Н. И. Избр. соч. / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1954. С. 620.

²⁰ Там же. С. 657.

²¹ См.: Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII-го века. 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. 115.

торый по возвращении в Москву жил в его доме.²² Масоны были явно задеты тем, что Карамзин заявил об отказе печатать «мистические сочинения», что означало отход от их кружка. В это время уже велась перлюстрация писем масонов, о чем они могли догадываться, судя по той осторожности, с которой они вели переписку. В письмах Трубецкого и Багрянского к Кутузову содержались резко отрицательные отзывы о первых выпусках «Московского журнала» Карамзина, которого обвиняли в отсутствии патриотизма.²³ Можно представить, что критиков раздражало и уверенное светское обхождение, приобретенное молодым писателем, его внимание к своей внешности. Даже Н. И. Плещеева, продолжавшая писать о своей дружеской привязанности к Карамзину, жаловалась Кутузову на то, как огорчило ее письмо от их друга из Парижа от 11 мая. О содержании этого письма можно судить по соответствующему отрывку, включенному в текст парижских «Писем». Здесь описывается времяпрепровождение путешественника, светского человека, посвящающего свое утро заботам парикмахера, который осыпает его волосы пудрой, опрыскивает духами и т. д. По свидетельству Н. Н. Бантыш-Каменского, Карамзин, возвратившись из путешествия, в Петербурге явился в дом Державина «в модном фраке, с шиньоном и гребнем на голове, с лентами на башмаках».²⁴ Мاسоны все это восприняли как вызов. У них могло появиться опасение, что их бывший скромный ученик уподобляется теперь персонажу из сатирических журналов Новикова, где высмеивался побывавший за границей щеголь, презирающий все отечественное. В журнале «Трутенъ» (1769. Лист VI. Июня 2 дня) среди прочих объявлений было следующее: «Молодого российского поросенка, которой ездил по чужим землям для просвещения своего разума и которой, объездив с пользою, воз-

²² См.: *Виноградов В. В.* Известные сочинения Н. М. Карамзина // *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 253–263; *Кочеткова Н. Д.* Багрянский Михаил Иванович // *Словарь русских писателей XVIII века*. Л., 1988. Вып. 1: (А–И). С. 45–47.

²³ Подробнее об этом см.: *Кочеткова Н. Д.* Читательские отклики на публикации Карамзина в России XVIII века // *A Century Mad and Wise. Russia in the Age of the Enlightenment: Papers from the IX International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*, Leuven, 2014 / Ed. By E. Waegemans, H. van Koningsbrugge, M. Levitt and M. Ljustrov. Groningen, 2015. P. 11–20.

²⁴ *Погодин М.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам, отзывам современников. М., 1866. Ч. 1. С. 168.

вратился уже совершенно свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города».²⁵ В письме Кутузова к Трубецкому Карамзин был представлен в образе «Попугая Обезьянина» вполне в духе публикаций «Трутня» и «Живописца».²⁶

Когда императрица поручила князю А. А. Прозоровскому вести расследование по делу Новикова, Г. А. Потемкин писал ей: «Ваше величество выдвинули из вашего арсенала самую старую пушку, которая будет непременно стрелять в вашу цель, потому что своей собственной не имеет. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью в потомстве имя вашего величества».²⁷ Это мудрое предостережение осталось не услышанным. 22 апреля 1792 г. Новиков был арестован. М. Н. Лонгинов писал: «О деле Новикова говорили между собой тихо, боясь быть замешанными хоть косвенно в соприкосновение с важным преступником, каким мог он казаться, судя по тому, как с ним поступали. Все ожидали с тревогой и нетерпением, чем разыграется это дело, но пугливое безмолвие или притворное равнодушие прикрывали это душевное волнение. Никто не смел поднять голоса». Тем замечательнее было выступление Карамзина, «который давно отстал уже от общества Новикова, но сохранил признательность к первым своим наставникам и покровителям».²⁸

Речь идет о стихотворении Карамзина «К Милости», опубликованном в «Московском журнале» уже в мае 1792 г. Хотя по формальным признакам стихотворение не совсем соответствовало одическому жанру (строфы имели не десять, а семь строк, и последняя строка не имела рифмы), но оно было обращено к государыне, и первые строфы содержали лестные для Екатерины II похвалы, звучавшие как традиционный панегирик:

Блажен, блажен, народ живущий
В пространной области твоей!
Блажен певец, тебя поющий
В жару, в огне души своей!

²⁵ Сатирические журналы Н. И. Новикова / Ред., вступ. статья и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951. С. 63.

²⁶ См.: Барсков Я. Л. Переписка московских масонов... С. 70–73.

²⁷ См.: Русский вестник. 1858. № 15. С. 457.

²⁸ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000. С. 355.

Но далее поэт переходил к своей главной теме — призыву проявить милость, более того, речь шла об условиях, необходимых для того, чтобы государыня сохраняла доверие и любовь подданных:

Доколе граждан довольный
Без страха может засыпать
И дети подданные вольны
По мыслям жизнь располагать,
<...>
Доколе всем даешь свободу
И света не темнишь в умах;
Пока доверенность к народу
Видна во всех твоих делах, —
Дотоле будешь свято чтима,
От подданных боготворима
И славима из рода в род.²⁹

Прежде, чем печатать стихотворение, Карамзин заменил строки, в которых говорилось о праве, «с которым человек рожден». Но это не снимало остроты выступления в защиту осужденного Новикова и его сподвижников. А. А. Прозоровский, который следил за перепиской масонов и затем возглавил следствие по делу Новикова, был среди подписчиков «Московского журнала».³⁰ Поэтому очень скоро со стихотворением могла познакомиться и императрица, но, судя по дальнейшему ходу дел, предпочла принять его просто как очередной панегирик. Возможно также, что не очень далекий Прозоровский просто не понял смысла стихотворения и не придал ему значения. Между тем, Карамзин осторожно, но настойчиво продолжал развивать тему монаршей милости и в других своих публикациях, на что еще не обращалось внимание исследователей. В том же майском выпуске, почти сразу после стихотворения «К Милости», Карамзин поместил свой перевод с немецкого посредника «Сцен из Саконталы» индийского поэта Калидасы. В одной из сцен мудрый пустынный говорит императору, который гонится за антилопой: «Ваше оружие, цари и герои! должно спасать утесненных, а не губить невинных». Пристыженный владыка отвечает: «Я влагаю в колчан стрелу мою».³¹

²⁹ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1966. С. 110–111.

³⁰ См.: Московский журнал. 1791. Ч. 1. [Список подписчиков]. С. 259.

³¹ Там же. 1792. Ч. 6. Кн. 2. Май. С. 127. Анализируя этот перевод, О. Б. Кафанова отметила, что Карамзин самостоятельно отбирал сцены. См.: Кафанова О. Б. Образ

В следующей седьмой части журнала в августе 1792 г. была напечатана повесть Карамзина «Прекрасная Царевна и счастливый Карла». Рассказывая о доброте Царевны, автор сообщал, что в то время, когда Царь «изрекал приговор наказания», она «смотрела прямо в глаза своему родителю, подымала белую руку свою, простирала ее к судящему — и пасмурное лицо правосудия вдруг освещалось солнцем милости — виновный получал прощение».³² Этот отрывок непосредственно соотносится со стихотворением «К Милости», что подчеркивается также фразой: «Все сироты в пространной области Царя доброго человека называли ее матерью». Частое в панегириках обращение к императрице как к Матери использовал и Карамзин в своем стихотворении:

Для чад твоих нет большей славы,
Как верность к Матери хранить.³³

Заступничество Карамзина не помогло Новикову, который был освобожден лишь Павлом I. Его воцарение Карамзин приветствовал одой, написанной в полном соответствии с правилами жанра, но вновь включавшей тему милости, теперь уже не только желаемой, но свершенной:

Едва восшел на светлый трон,
И дверь в темницах отворилась;
Свобода с милостью явилась:
«На троне Павел; ты прощен»
<...>.³⁴

Надеждам на дальнейшее гуманное правление нового государя не суждено было осуществиться. Карамзин начал испытывать серьезные затруднения из-за цензуры. В августе 1797 г. он писал И. И. Дмитриеву о нависшей над ним финансовой угрозе: около десяти лет назад он стал одним из поручителей Новикова, когда тот брал кредит из Воспитательного дома. Теперь срочно требовали погасить этот кредит,³⁵

«чувствительной» и мудрой Индии в «Московском журнале» Н. М. Карамзина // Карамзин-писатель / Под. ред. Н. Д. Кочетковой, А. Ю. Веселовой, Р. Бодэна. СПб., 2018. С. 175.

³² Московский журнал. 1792. Ч. 7. Кн. 2. Август. С. 211.

³³ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений... С. 111.

³⁴ Там же. С. 187.

³⁵ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / с примеч. и указ. Я. Грота и П. Пекарского. СПб., 1866. С. 79.

и речь шла о возможном описании имущества поручителей, но, к счастью, обошлось без таких мер.³⁶

Новиков, жил в своем имении полубольной, разоренный, печать о нем молчала. В 1801 г. при вступлении на престол Александра I Карамзин вновь возвращается к важной для него теме, по-новому используя слова и обороты из своего давнего стихотворения «К Милости». Теперь он восхваляет «Екатеринин век златой»:

Граждане мирно засыпали,
И гражданин же был герой.

Когда монаршими устами
Вещала милость к нам одна
И правила людей сердцами;
Когда и самая вина
Нередко ею отпускалась.
И власть монаршая казалась
Нам властью любви одной.³⁷

Выдавая желаемое за действительное и адресуя эти строки любимому внуку императрицы, поэт выступал как мудрый советчик юного царя, в глазах которого авторитет Екатерины II был очень велик. Вскоре в «Вестнике Европы» Карамзин публикует статью «О книжной торговле и любви ко чтению в России», где не только впервые после многолетнего молчания называет имя Новикова, но подробно говорит о его заслугах, приводит реальные факты: «Господин Новиков был в Москве главным распространителем книжной торговли. Взяв на откуп университетскую типографию, он умножил механические способы книгопечатания, отдавал переводить книги, завел лавки в других городах, всячески старался приохотить русскую публику ко чтению, угадывал общий вкус и не забывал частного».³⁸ Карамзин заговорил в печати о заслугах Новикова в то время, как ближайшие его соратники и друзья, хотя и в разной степени, но пострадавшие от преследований, долго еще хранили молчание, во многом, конечно, объяснимое. И. В. Лопухин даже

³⁶ См.: Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 156, 170.

³⁷ Там же. С. 261.

³⁸ Карамзин Н. М. Избр. соч.: в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 177. О значении этой статьи Карамзина см.: Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. С. 107–108; Markov G. Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton, 1985. P. 122–134.

в своих не публиковавшихся при жизни «Записках» пытался объяснить и оправдать действия императрицы. Он писал:

Я слышал от самого князя Прозоровского, что государыня несколько раз говорила ему: «для чего не арестует он Новикова?» — «Тотчас — если только приказать изволите», — отвечал всегда князь. — «Нет, надобно прежде найти причину», — всегда же отзывалась самодержица, предубежденная гневом. Кто ж был Новиков? Содержатель типографии, поручик отставной, которого она считала совершенным злодеем. Такая деликатность заметна была бы и в губернаторе, досаждающем в своей губернии на человека подобного состояния.³⁹

По свидетельству современника, еще во время деятельности Типографической компании некоторые ее участники давали понять, что «они бояре и генералы, а Новиков поручик».⁴⁰

Новиков на протяжении всей деятельности Карамзина оставался для него другом и примером очень во многом. Конечно, издания Карамзина были не похожи ни на сатирические журналы Новикова 1769–1774 гг., ни на философско-моралистические журналы 1770–1780-х гг. Но в повести Карамзина «Моя исповедь» хорошо различимы любимые темы Новикова, ратовавшего за отечественное образование и воспитание, высмеивавшего поверхностное подражание иноземному. В книготорговой практике Карамзин, несомненно, опирался на опыт своего предшественника, по примеру которого ввел отдел рецензий. Вслед за «Опытом исторического словаря о российских писателях» (1772) Новикова Карамзин создает свой «Пантеон российских авторов» (1802).⁴¹ Интерес к истории, проявившийся у него уже в начале 1790-х гг., в большой степени развивался и затем поддерживался под влиянием «Древней российской вивлиофики» Новикова, которую затем прилежно изучал создатель «Истории государства Российского». Карамзин-историк и Новиков — особая большая тема.

После освобождения из заточения Новиков писал Х. А. Чеботареву: «...обедняли друзьями, за то узнали истинных и мнимых».⁴² Одним

³⁹ Записки сенатора И. В. Лопухина. 1859. Лондон: Репринтное воспроизведение. М., 1990. С. 70 (Сер.: Россия XVIII столетия в изданиях Вольной типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева).

⁴⁰ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II... С. 254.

⁴¹ См.: Петров А. В. «Опыт исторического словаря о русских писателях» Н. И. Новикова и «Пантеон российских авторов» Н. М. Карамзина // Русская литература. 2007. № 3. С. 61–76.

⁴² Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994. С. 160.

из немногих истинных был Карамзин, который вел переписку с Новиковым, прислал ему новое издание своих сочинений и портрет со словами: «Верьте, что люблю вас искренне. Если в портрете моем не находите выражения этой искренности, то он, верно, не похож; я в главном не переменялся».⁴³ В письмах к Карамзину 1816 г. Новиков благодарил за присланные его сочинения, называл его «любезнейшим и сердечным другом».⁴⁴ Несмотря на решительные расхождения во взглядах, сохранилось их искреннее взаимное уважение и дружеская привязанность. Прочтя переписку Мелодора и Филалета, Новиков увидел в их спорах разногласия между Карамзиным и А. А. Петровым, который, подобно Филалету, отличался «стоической холодностью» «Философия холодная мне не нравится»,⁴⁵ — писал Новиков, явно вставая на сторону Карамзина-Мелодора и не приемля доводов Карамзина-Филалета. С большим вниманием Новиков отнесся и к упоминаемой в письмах Карамзина *меланхолии*. «Я принимал это слово, в сочинениях ваших нередко употребляемое, за обыкновенное выражение приятной задумчивости, но в письме выражено так, как будто вы подвержены сей болезни, что меня крайне опечалило <...>».⁴⁶ Рассматривая историю русской меланхолии в XVII–XVIII вв. как систему историко-культурных ценностей, С. И. Николаев отметил, что Карамзин «поэтизировал меланхолию как болезненное состояние», но «в его авторском сознании был силен рационалистический, рассудочный взгляд на творчество».⁴⁷ Для избавления от «ипохондрии» Новиков советовал другу чаще читать Новый Завет, который утешал и его самого в тяжелых испытаниях. Карамзин с большим тактом отнесся к словам старого друга, который оставался для него высоким авторитетом в вопросах нравственности, несмотря на различие их духовных устремлений.

Н. С. Тихонравов передает рассказ П. И. Бартенева о якобы состоявшейся встрече Новикова с Карамзиным, навестившим его в Тихвин-

⁴³ Карамзин Н. М. Письма к Н. И. Новикову // Русский архив. 1890. Кн. 3. № 11. С. 375. См. также: Сапченко Л. А. «Религия выше философии...». (Письма Н. М. Карамзина к Н. И. Новикову) // Вестник Московского обл. ун-та, 2014. № 1. С. 6 (URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/532> (дата обращения: 18.10.2021)).

⁴⁴ Письма Н. И. Новикова... С. 219–225.

⁴⁵ Там же. С. 219.

⁴⁶ Там же. С. 224.

⁴⁷ Николаев С. И. Поэтологический контекст «Меланхолии» Н. М. Карамзина // Карамзин-писатель... СПб., 2018. С. 152.

ском. На предложение Новикова посвятить Карамзина в высшие масонские степени для знакомства с главными таинствами, тот ответил вежливым отказом: «Карамзин дружески пожал ему руку и вышел».⁴⁸ Даже если этот рассказ не вполне достоверен, он отражает сущность основных расхождений между ними.

В 1818 г. после смерти Новикова в записке, поданной Александру I, Карамзин не только ходатайствовал о помощи детям «усопшего страдальца», но писал о его заслугах и несправедливости заточения: «Его заключили в Шлиссельбургской крепости, не уличенного действительно ни в каком государственном преступлении, но сильно подозреваемого в намерениях, вредных для благоустройства гражданских обществ <...>. Новиков как гражданин, полезный своей деятельностью, заслуживал общественную признательность; Новиков как теософический мечтатель, по крайней мере, не заслуживал темницы: он был жертвой подозрения извинительного, но несправедливого».⁴⁹

⁴⁸ *Тихонравов Н. С.* Четыре года из жизни Карамзина // Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. 3. Ч. 1. С. 274.

⁴⁹ *Карамзин Н. М.* Избр. соч. Т. 2. С. 233.